

**Будь тем, что есть всегда,
а не случается время от времени**

В эти дни Елка уже стояла наряженной, и Зинаида Александровна репетировала новую сказку. А, точнее, вечную сказку, ту историю, конца которой нет.

В густом лесу мохнатый зверь живет,
Шуршит под лапой лист сухой и хрупкий!
О чем молчит зеленоглазый кот
И старый леший, закуливший трубку?
Они садятся где-нибудь у пня,
В оврагах темных, на замшелых склонах
И зажигают молча три огня –
Один рубиновый и два зеленых.

И начиналось таинство, богослужение, которого мы так ждали...

Первая глава «Бытия» заканчивается словами: «И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой». Каждый день творения завершается великим покоем Творца: «И увидел Бог, что *это* хорошо». Он создает небо, землю, свет, море, звезды, деревья, животных, Он создает человека. И неизменно радуется. «Хорошо», «тов»...

Всё течет, всё меняется. Изменения неизбежны, и они происходят каждый день. Разве можно их остановить? Нет. Но есть то, что не меняется, с чем ничего не может случиться. И это неизменное – наше глубинное «Я». То вечное «Я», которое говорит: «Всё хорошо». И оно не врет. И не важно как у нас идут дела. Оно так говорит, потому что не захвачено никакими делами, кроме творения Вселенной. Или как скажет Зинаида Александровна: «Всё

мое Дело и вся благодать / В том, чтоб застыв пред Тобою предстать». Глубинное, сокровенное «Я» не подвержено никаким изменениям. Оно само всё творит. Оно зажигает три огня – один рубиновый и два зеленых. Вечное «Я» не меняется к худшему. Оно даже не меняется к лучшему. Оно просто есть. И когда Миркина ставит вопрос: «Ты готов / Стать глубже горя, выше счастья?», она спрашивает, готов ли ты встретиться с неизменным? С тем, что есть всегда.

Да, всю жизнь одно и то же -
Лес, да лес, да неба гладь.
Но ответьте мне - кто может
Бесконечность исчерпать?

Когда вечное «Я» говорит, что у него «всё хорошо», оно вкладывает совершенно другой смысл в слово «хорошо». Какой? Тот, которые вкладывает Творец. «И увидел Бог, что *это* хорошо»...

Два месяца назад пришла ко мне в гости племянница. Принесла целую корзину вопросов, которые накопились к двадцати пяти годам. Заговорили о том, как найти свою половину. И тут выяснилось, что для того, чтобы, образно выражаясь, найти свою половину, нужно стать самим собой.

- А что значит быть самим собой? – спросила она.

- Быть самим собой - это значит быть цветущим садом. И тогда все будет хорошо.

- А как же гармония двух личностей?

- Гармония двух личностей тогда возможна, когда это...

- Личности, - подхватила она и засмеялась.

- Да! Когда на цветущее дерево прилетела славящая Бога птица. Целая птица. Не полптицы прилетело на полдерева. Целая птица прилетела на целое дерево. И тогда гармония. Зачем тебе половина птицы? Что ты будешь с нею делать? Заведешь ты себе половину птицы любой ценой. А что

дальше? Кому нужна половина птицы? Половина песни. Кому нужна? Стань сама птицей, песней, садом и получишь песню, птицу и сад.

Она задумалась.

- Ты должна изначально понять или вспомнить, что твоя истинная природа, Суть твоя - это любовь, покой, радость, гармония, мир. Это составляет твою Суть. Другими словами, будь тем, что есть всегда, а не случается время от времени. Если ты будешь жить из этого состояния, то всё разрешится само собой. И человек появится в твоей жизни хороший.

- Прямо точно? – округлила она глаза.

Мы засмеялись.

А затем важную вещь сказала моя племянница.

- Одна женщина очень долго искала себя, она медитациями занялась, какими-то такими абстракциями, и очень давить начала. На кухне даже, когда мы сидели за обедом, ее не спросишь - она учит. И я пыталась до нее донести, что если я погляжу на ее жизнь и пойму, что мне интересно, как она до этого дошла, я сама приду и спрошу. Это то же самое, что я сюда пришла не из-за того, что вы в свое время сказали: «Я тебя научу жизни, приходи». Вы такого никогда и не говорили. А из-за того, что я знаю, что у вас хорошо. И я пришла.

- А откуда ты знаешь, что у меня хорошо?

- Ну я же вижу.

Нужно сказать, что последний раз я разговаривал с этой девочкой пятнадцать лет назад. У моей первой жены есть младшая сестра. Дочь младшей сестры и пришла ко мне. Неисповедимы пути Господни.

Провожая племянницу, я передал привет ее родителям и Эмме Анатольевне. Лет тридцать тому назад Эмма Анатольевна приходилась мне тещей. А еще я подарил племяннице сказки Миркиной. В сказке «Грустный гном» она наткнется на такие слова: «Но бывает так, что двое хотят жениться, а тайны у них нет, или у одного есть, а у другого нет. Тогда леший начинает щелкать пальцами и смеяться, а кот молчит и гасит глаза. Они хорошо знают,

что из такой женитьбы ничего не выйдет и что такая любовь погаснет». Но сказка «Грустный гном» заканчивается хорошо. Гном узнает, что такое негаснущая любовь...

Память избирательна. Одно сразу забываешь, а что-то впечатывается глубоко. На меня сильное впечатление произвел рассказ Пападжи. Этот индийский мудрец, будучи еще учеником, любил уединяться и гулять в лесу. Но он видел не только «Лес, да лес, да неба гладь». Он обладал редким даром лицезреть Кришну. Как-то Пападжи вернулся после прогулки и поведал учителю о своей способности.

- Ты видишь Кришну сейчас? – спросил Шри Рамана Махарши.

- Нет, сэр, не вижу, но я играю с ним с самого детства, он мой друг.

- То, что появляется и исчезает, не является вечным и не есть Истина, - сказал учитель.

- А что же не появляется и не исчезает? – спросил ученик.

Рамана Махарши направил на ученика прекрасный пристальный взгляд – и все сомнения Пападжи рассеялись. Причем навсегда.

Любящий взгляд, вот что не имеет ни начала, ни конца. Через глаза праведника смотрит Бог.

Рассказ Пападжи перекликается с удивительными словами Сурожского о так называемом Фоме неверующем. Почему Фома не поверил, что его товарищи видели Учителя воскресшим? Да потому что их глаза тогда еще не светились светом абсолютной любви. Они еще не пребывали в полноте духа Божиего. Дело было не в Фоме, а в тех, кто свидетельствовал о воскресшем. В их глазах то вспыхивал неотмирный свет, то погасал. Свет еще не струился ровно. Когда же рассеялись все сомнения в том, что наша истинная природа бессмертна, тогда и Свет воссиял. И воссиял во всём. И именно этот неотмирный свет увидел Мотовилов в глазах Серафима Саровского. Сурожский сказал: «Мотовилов смотрел на Преподобного Серафима, как апостолы на воскресшего Христа. Иисус говорил ученикам теми же словами,

что и старец Мотовилову: «Вы сами теперь в полноте духа Божиего, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть».

Да, чудеса случаются. Вот и Зинаида Александровна никогда их не отвергала. Но есть то, что не случается. А что просто есть. Есть всегда. «Лес, да лес, да неба гладь». Есть глубокий взгляд любящих глаз. Рамана Махарши посмотрел из бездны в глаза Пападжи, а тот из той же бездны посмотрел в глаза учителю. Старец посмотрел Светом в глаза Мотовилову и купец Мотовилов ответил ему Светом. Христос жизнью без смерти смотрел в глаза ученикам, и они жизнью без смерти пытались отвечать ему. Именно так, когда их вера укрепилась, они смотрели в глаза друг другу и видели Христа. Не об этом ли говорит Зинаида Александровна?

***

Я погружусь на дно покоя,
Туда, откуда всходит свет,
И вдруг узнаю, что такое
Та жизнь, в которой смерти нет.
Да, я узнаю, я узнала -
Вот здесь оно передо мной -
Все то, что было до начала,
До боли, до тоски земной.
Я погружусь на дно молчанья,
Туда, где молкнет мысль сама,
Где начинается сиянье
И, дрогнув, отступает тьма.
Я погружаюсь так глубоко,
Так бесконечно тихо мне!..
Ведь я осталась око в око
С моим Творцом наедине.

Око в око с моим Творцом наедине – таков ее символ веры. Так она и Григорий Соломонович смотрели в наши глаза. Так мы смотрим в глаза друг другу, нашим близким, когда ничто не мешает переливаться из глаз в глаза свету Истины...

Накануне мы очень хорошо и дружно посидели за столом всей семьей. И мама была благодарна мне за то, что я всех собрал. И теперь она говорила и говорила о любви. На радостях я вспомнил, что несколько дней назад ко мне приходила племянница, которая как с неба свалилась. Речь зашла и об Эмме Анатольевне. И тут я вижу, что моя мама начинает белеть. Она не может ничего слышать о бывшей свахе. Жесты ее становятся резкими, как будто бы она что-то отрезает или кромсает.

- Мама, ты сейчас говорила о любви. Что случилось?

- Нет! Вот эту женщину я никогда не прощу.

Я просто остолбенел. А потом сказал:

- Тырываешь круг любви. Это всё равно, что перебить электрический провод. В одном месте перебил, и света не будет. Ты можешь говорить о любви сколько хочешь, но ее не будет.

Мы стояли в тесной прихожей. На стене тикали ходики. Я поднял глаза на маму и спросил:

- А у тебя только одна Эмма Анатольевна?

- Нет, у меня есть еще несколько человек, которых я не простила.

- Они живы? – спросил я с замиранием сердца.

- Нет, они умерли.

- Мама, они же умерли. Ты зачем покойников несешь на своих плечах? Тебе это для чего нужно? Ты куда их собралась нести? Ты где их здесь складываешь?

- Нет, нет, я ее не могу простить, - настаивала она.

- Подожди, - перевел я дух. - Той женщины, которую обидели, ее нет давно, ты другая уже. Ты какие счета сводишь с кем? Ты понимаешь, что из-за того, что ты держишь вот эту обиду, у тебя есть такое ведерко, где ты

варишь себе смерть? Ты просто нас покинешь раньше. Я не смогу с тобою поделиться радостью. А ты не сможешь разделить радость со мной. Твои голуби, которых ты кормишь, они не будут получать крупу. Тебя уже не будет. Они ничего не знают про твои обиды. Они будут голодные.

Мама замерла, растерянно повела глазами, в которых собрались слезы, и, спохватившись, сказала:

- Нет, нет, я ее простить не могу.

Я обнял ее. Мы постояли еще в дверях. Она глубоко вздохнула. Я поцеловал ее. И зашагал вниз по лестнице.

Всё это так удивительно! Мы читаем стихи Миркиной, мы читаем Померанца, мы восторгаемся, умиляемся, нас это ошеломляет, а вот меняет ли? Как мы в своей повседневной жизни применяем то, что получили от общения с ними? Моя мама боготворит Зинаиду Александровну, но оказывается круг любви можно и разорвать, да и нет никакого круга. А есть отдельные люди, которых ты любишь. И есть камень за пазухой, припасенный для непрощенных. Как же так? Миркинский Иосиф говорит: «О дайте мне прильнуть к груди отца! / Я здесь, вы ничего не совершили. / Пускай, пускай раскроются сердца!» Как это не совершили? А разве братья не раздели его и не бросили в ров? Разве они не желали ему смерти? Еще как совершили! Но Иосиф их прощает. Даже не Иосиф, а то вечное в нем, что будет всегда, а не случается время от времени.

Обида временна, а прощение – это навсегда. Не знаю, осудил ли я маму в тот момент, но знаю точно, что мы вместе с нею причинили Богу боль. Эти рубящие ее жесты, они ведь есть и во мне. Ведь я ее кровь и плоть. О Господи, дай нам силы!..

Недавно я узнал, что главным в богословии старца Софрония, в миру Сергея Сахарова, было следующее наставление. «Даже если вас одолевают страсти, переносите это как часть общечеловеческой скорби. Не замыкайтесь на этой страсти. Говорите – Господи, Ты видишь, в каком состоянии мы все,

помоги!» Очень важна эта оговорка Софрония. Ты видишь, Господи, в каком состоянии не я, а мы все.

Почему не желательно сосредотачиваться на своем страстном отдельном «я»? Казалось бы, если превратить «я» в «мы», то это значит убежать от ответственности. Однако это не так. Не я осудил маму за то, что она не простила. Мы все осуждаем своих матерей за то, что они никак не могут нам угодить. Один скажет – не простила, а должна была. Другой скажет – простила, да как она могла простить? И пошло – поехало. Повод для осуждения совершенно не важен. Нам всем нужно учиться не замыкаться в своей отдельности, в своей личной «земной тоске». Это не моя скорбь, всё-то мы любим себе присвоить, всё-то тянем в свой карман, нет не *моя*, а - общечеловеческая.

Почему же лучше сказать: «Ты видишь, Господи, в каком состоянии мы все»? Потому что, привлекая внимание к своей персоне, я, желая выставить свою персону в невыгодном свете, незаметно для себя начну ее защищать, а потом и вовсе сделаюсь правым в своих глазах. Когда же речь идет о «мы», о нашей всечеловеческой скорби, то не только жестоко осудить себя не получится, но не получится и оправдать себя до полной своей правоты.

Позвольте мне снова обратиться к метафоре Океана и волны. Волна, которая увлекается осуждением самой себя, не становится Океаном, потому что она забывает о том, что Океан есть Любовь. Если же волна будет скорбеть не как одиночка со своею отдельной водой, а как вода, которая есть во всех волнах, то тогда она быстрее осознает свою связь с Океаном, с Богом. В своей глубокой основе волна чиста, и ее вода - это вода Океана...

Прошло пару дней после моего разговора с мамой. Я чувствовал, что закончиться так он не может, а как его продолжить не знал. Меня выручили птицы. Мама поставила на крыло не одну голубиную стаю. Птицы знают ее в лицо. Знают ее походку, блеск ее колец. На одной руке освященное колечко «Господи, Спаси и Сохрани Мя», на другой - александрит в серебре.

- Вот ты когда пойдешь кормить птиц в следующий раз. Ты же сегодня собиралась? – начал я издалека.

- Да, - кивнула мама.

- Я же видел, как ты кормишь. Ты запускаешь руку в пакет или в ведро. Потом вот так ее выбрасываешь вверх. Да?

- Да.

- Потом снова окунаешь в пакет. У тебя там крошки или что там у тебя. Крупа?

- Да.

- Вот попробуй в этот момент, когда ты запускаешь руку в ведро с крупой. Зачерпнула вот, и выбрасываешь птицам. Вот представь, что эта крупа - это твоя обида на Эмму Анатольевну. И попробуй вот так ее выбросить птицам. Пусть они склюют это. Скорми свою обиду птицам. Не надо вспоминать всех людей, которые стоят в твоём чёрном списке. Просто, только Эмма Анатольевна. Попробуй.

Она засмеялась. А смеется мама заразительно.

- И попробуй прислушаться к своей душе. Птицы Божьи твари. Они съедят, это их не отравит. Потому что они будут из любящей руки получать. А ты через любящую руку освободишься от обиды на сваху. Потому что рука, которой ты кормишь птиц, это Божья рука. И через Божью руку ты освободишься от этого чувства. Вот по крупицам она в тебе накапливалась, и по крупицам ты ее птицам скорми. А потом расскажешь, поделишься, что ты чувствовала при этом.

- Ладно, - кивнула она и похлопала меня по плечу. А ручка у мамы крепенькая. - Ладно, сыночка. Договорились.

На том и расстались. Прошло еще несколько дней.

- Ты голубей покормила?

- А как же, Рома, - смеется она. - Я твой наказ помню.

С нерешительностью спрашиваю:

- А своими впечатлениями не хочешь поделиться?

- Рано. Впечатлений пока нет таких, которыми надо делиться. Это не сразу.

- Хорошо.

- А что ты думаешь? – оживляется мама. - Оно полжизни сидит там. Вот попробуй выкорчевать. Это работа большая.

Чувствую, у меня комок в горле.

- Спасибо, тебе. Спасибо, - бормочу я.

- Спасибо тебе, сыночка. Тебе спасибо.

- Вот этими словами, что оно там полжизни сидит и что это большая работа, ты меня лечишь и учишь.

- Правда? – удивляется мама.

- Да.

- Боже мой! – вздыхает она светло. - Мы друг другу нужны, оказывается.

- Конечно.

- Друг без друга нам никак. Боже мой, какое счастье... Поблагодари отца, что ты у нас есть... У меня есть.

И тут я понимаю, что попробовала она простить Эмму Анатольевну, а простила отца. Причем давно простила, но, может быть, только сейчас впервые призналась в этом. И круг любви замкнулся. И вспыхнул Свет. Вода жизни нашла сухое русло и рванулась туда. И я получил такой долгожданный урок от мамы.

Разве не так Бог творит мир, каждый день создавая небо и землю, воду и свет, деревья и звезды? Каждый день всё создавая заново нашими сердцами. И видит, что это *хорошо*. Вот о каком «хорошо» говорит Зинаида Александровна в сказке «Белый заяц». О весте, слетевшей с небес: «Всё хорошо, всё очень, очень хорошо! Никогда не поздно этому поверить». И эти слова она повторяла на каждой своей Елке.

Книга «Бытия» заканчивается тем, что Иосиф прощает своих братьев и благословляет их. «Вот, вы умышляли против меня зло; но Бог обратил это в

добро, чтобы сделать то, что теперь есть: сохранить жизнь великому числу людей; и так не бойтесь: я буду питать вас и детей ваших. И успокоил их и говорил по сердцу их» (Быт. 50, 20-21). Иосиф прощает братьев, потому что он во всем видит промысел Божий. Да, Иосифа хотели убить братья, а маму сваха обидела, но нам дана сила всё повернуть к добру с Божьей помощью. Хотя застарелое глубоко сидит в сердце. И точит, и точит его. Но застарелое пройдет. А останется то, что не проходит. Останется Любовь. Быть тем, что есть всегда, а не случается время от времени, это и значит быть Любовью.

Застарелое случается время от времени, а вечное, это то, что есть всегда. И каждый день мы абсолютно открыты жизни, если, конечно, не расписали ее на годы вперед, под завязку забив болезненным прошлым. Если заполнить завтрашний день знанием наперед, то новый день никогда не наступит. Пока мы помним обиды или прячем их, мы мертвы. Ведь для мертвых завтра никогда не наступает. Мы пытаемся разгадать загадку воскресения Христа. А все что от нас требуется, это проснуться утром и сотворить всё новое. Дать дорогу новорожденному дню. Просто новому дню жизни без всякой мистики. Это и есть воскресение. Воскресение без мистики. Не к этому ли обновлению жизни нас призывает Христос? Дай дорогу новому дню. Не тащи в новый день обломки старых дней, старых обид. Не превращай новый день в чулан, забитый старьем. Что еще нужно тебе для воскресения из мертвых? Будущее? Новое тело? Не устану повторять слова, которые так любил Антоний Сурожский: «Будущей жизни нет, есть только вечная жизнь». А в вечной жизни сердца открываются...

Сидя у Зининой Елки, мы всегда ждали чуда. И никто не верил, что эта Елка может стать последней. Зинаиде Александровне было уже не по силам зажигать три огня – один рубиновый и два зеленых. Но и не зажигать их она не могла. И снова звучала скрипка Белого Зайца. А потом Заяц беседовал с Томом. И эти голоса ее души всегда приходили к согласию. Не смотря ни на что! Хотя и не просто давалось это согласие.

- Знаешь, я тебе кое-что скажу, - обращался Том к Белому Зайцу. - Я спрошу тебя все-таки. Ну вот как, как ты говоришь, что всё хорошо, когда может быть такое, - Том подбирал слова, но так и не находил подходящих, - такое, какое со мной здесь.

И Заяц отвечал:

- Том, а я не говорю, что всё хорошо. Это не я говорю, что всё хорошо, это моя скрипка говорит. А скрипка говорит то, что ей душа говорит.

- Заяц, а что твоя душа и ты - это не одно и то же? – и, не давая Зайцу ответить, Том, глотая слова заканчивал сам: - Знаю, знаю, знаю, да, не одно и то же, знаю... Так что, твоя скрипка всё время слушает твою душу, а твоя душа знает что всё хорошо?

И Белый Заяц тихо отвечал:

- Выходит, так.

Потом Зинаида Александровна вводила в елочную сказку Девочку-волшебницу. Ту самую с синими-синими глазами. Почему волшебницу? Да потому что Девочка эта всегда слушает свою душу. Она всегда одно со своей душой. Вот это волшебство. Вот это чудо!

Музыка знает, что всё хорошо, Бог знает. А мы очень часто об этом забываем. Пока скрипка Белого Зайца звучит, мы, конечно же, об этом помним, а потом, потом... Звенел колокольчик и Зинаида Александровна, словно бы вторя ему, говорила: «Только бы не растерять, не забыть...»

И повторяла, повторяла, повторяла:

- Моя душа. Я ее чувствую. Я слышу, что она говорит. А это и есть то ли счастье, то ли волшебство. Нет, я ее еще не вижу, но я ее увижу. Я ее слушаю. Я ее слышу. Она знает столько, сколько я за сотню жизней не узнаю. Она знает, что может быть всё хорошо, когда так плохо... А она знает. Нет, я не забуду этого...

И нам наказала этого не забывать.

***

Да, всю жизнь одно и то же -
Лес, да лес, да неба гладь.
Но ответьте мне - кто может
Бесконечность исчерпать?
Нет, не скучно мне, а дивно.
Так, как есть, да будет впредь:
Час за часом неотрывно
В очи Божии смотреть.
И не мало и не много -
Сотню лет, как полчаса.
Что же там, в очах у Бога?
Лес, да лес, да небеса.
Лес, да лес, о, Боже, Боже,
Лишь твою я знаю власть.
На любовь любовь помножа,
Мне б в очах Твоих пропасть,
Потонуть внутри провала-
Бесконечен оком.
А меня, как не бывало-
Только лес да лес кругом.

Декабрь 2019